

Рихтер Святослав
(преследовал)

24.12.04.

Россия слушает Германию

Завершаются «Декабрьские вечера»

Коммерсант 8-2003 24 дек. - с. 22
фестиваль музыка

В Белом зале ГМИИ имени Пушкина с начала месяца полным ходом идет самый изысканный музыкальный фестиваль Москвы — «Декабрьские вечера Святослава Рихтера». Несмотря на то что финальный вечер еще впереди, МИХАИЛ ФИХТЕНГОЛЬЦ уверен, что главные события фестиваля уже состоялись.

Впервые попавшему на «Декабрьские вечера» слушателю резко изменяет чувство реальности. Кажется, что Москва живет в том же музыкальном темпоритме, что и Вена или, скажем, Мюнхен: здесь такая же образованная и интересующаяся публика, здесь выступают те же артисты, чьи имена прописаны в репертуарных планах лучших европейских залов. Тем грустнее сознавать, что все ровным счетом наоборот: столичные фестивали маются неспособностью родить красивую афишу, а публика десятилетиями ходит на три-четыре фамилии.

«Декабрьские вечера», если разобраться, не предлагают каких-то особых концептуальных вывертов: в этом году фестивальное motto обозначено очень просто. «Россия и Германия. XIX век. Гармония и контрапункт». Музыкальные вариации на эпоху бидермейера тоже незамысловаты: сопоставляемые друг с другом русские и немецкие романтики — от Шуберта до Рихарда Штрауса по немецкому ведомству, от Глинки

до Рахманинова по нашему. И никаких прочих фокусов. Интригу составляют скорее не композиторы, а исполнители.

Традиционно одним из главных козырей «Вечеров» стали вокальные концерты, они же лидерабенды. Братья Кристоф и Штефан Генцы, тенор и баритон соответственно, на открытии не только познакомили публику с малоизвестным творчеством лейпцигских романтиков (дуэты Мендельсона, Шумана и Брамса), но и заставили местных старожилов вспомнить кумиров прошлых лет — когда-то певавших в Москве великих камерных певцов Петра Шрайера и Германа Прейя. Дивное меццо-сопрано Бернарда Финк вместе со своим аккомпаниатором Энтони Спири предложила совершенно неортодоксальную трактовку немецких *Lieder*, изыскав в Брамсе (Цыганские песни) и Вагнере (Песни на стихи Матильды Везендонк) самые теплые вокальные краски и подбрав к ним удивительно простую и естественную интонацию. На этом фоне абсолютно померкла другая дива — француженка Мирей Деланш, чье простуженное сопрано в песнях Роберта и Клары Шуман не дало залу и толики тепла, которое привнесла в музыку этого времени Бернарда Финк.

Белый зал музея стал дебютной площадкой и для одного из самых ярких европейских скрипачей — немца Кристиана

Тетцлаффа. В триаде скрипичных сонат Брамса, сыгранных вместе с пианистом Ларсом Фогтом, Кристиан Тетцлафф воссоздал после долгих лет безвременья образ настоящего романтического виртуоза — импульсивного, увлекающего и совершенно не стесняющегося показаться излишне пафосным. Его немецкая коллега Изабель Фауст, в другой расстановке ставшая бы, вероятно, образцом камерного стиля, рядом с Тетцлаффом казалась провинциальной простушкой; ее партнер пианист Александр Мельников также потерял свою неотразимость для публики, не выдержав конкуренции с интеллектуальным напором Ларса Фогта. Впрочем, всех обошел мэтр Олег Майзенберг, выдвигивший титаническую программу с двумя самыми важными фортепианными циклами романтической эпохи («Карнавал» Шумана и «Картинки с выставки» Мусоргского) и вдобавок преподнесшего тончайшие акварели постромантической поры — прелюдии Скрябина. Наблюдая за всеми музыкальными баталиями, трудно было поверить в то, как далеко эти музыкальные вариации отделились от первоначальной темы — самодовольного бидермейера, украсившего стены сузая (рецензию на выставку см. „Ъ“ от 3 декабря) и глядящего на публику своими благостными жанровыми сценками и умиротворенными пейзажами.